

В.Н.ДАХИН,
доктор исторических наук,
ИМЭМО РАН

Политические проблемы постсоветского пространства

Основным результатом структурного кризиса "реального социализма" явился распад Советского Союза и возникновение на его территории ряда национально-государственных образований. Я совсем не случайно говорю о распаде СССР не на государства, а на национально-государственные образования, ибо даже через четыре года после соглашений в Беловежской

Пуще практически ни одна из частей бывшего Союза не имеет даже формального набора признаков, отвечающих политологическому понятию "государство"¹. Конечно, с провозглашением суверенитетов и после роспуска СССР, местные элиты начали создание механизмов и институтов, образующих основы государственности. Однако для большинства составлявших Союз частей дело свелось к строительству именно формальных институтов и механизмов. Эта тенденция, на наш взгляд, сохраняется до определенного времени и пределов, которые и предполагается проанализировать.

Прежде всего нужно еще раз взглянуть на проблему суверенизации, т.е. на то, что стояло за формальным провозглашением независимости. В основной части республик бывшего Советского Союза провозглашению суверенитета предшествовали референдумы. Однако не следует забывать, что вместе с ними или сразу же после был проведен и референдум о сохранении Союза, давший однозначно положительный результат. Особого противоречия в этом нет. Дело в том, что к началу 90-х годов стало ясно, что одним из препятствий к модернизации посттоталитарного общества являлось сохранение формализованной структуры Союза. Проблема модификации внутрисоюзных отношений становилась приоритетной.

Именно поэтому "парад суверенитетов" стал простой реакцией неприятия старых порядков, в том числе внутрисоюзных отношений (т.е. показал уровень "ожидания перемен"). Вряд ли кто представлял себе подлинный смысл понятия "суверенитет". Скорее всего, неосознанная тяга к почти абстрактным свободе и демократии нашла своеобразное выражение в голосовании одновременно и за сохранение Союза, и за суверенитет его составных частей. Суверенизация выступила формой ускорения перестройки СССР как в целом, так и в части внутрисоюзных отношений.

Уже на первом этапе проблема внутрисоюзной перестройки стала широко использоваться во внутривнутриполитической борьбе элит за первенство в обновляющемся государстве. Причем борьба шла за эксплуатацию именно идеи перемен, которые невозможны без разрушения "империи". Если отвлечься от трактовки понятия "империя", то речь шла о переделе власти между центральной, местными периферийными и национальными правящими группа-

¹ Нужно учесть, что в настоящее время мы являемся свидетелями изменения традиционного понятия "государство", связанного, например, со следующим этапом развития Европейского Союза. Однако это не означает "отмены" или "отмирания" государства как такового. Речь идет именно об изменении функций государства, становящемся неизбежным на определенной стадии интеграции, которая понимается как комплекс объединительных процессов, охватывающих все большую часть общественной жизни ряда стран. Кстати, этого не происходит в других интеграционных центрах, либо не достигших этой стадии, либо ведущих интеграцию на других основах.

ми. И когда стало ясно, что проблему внутрисоюзных отношений можно решить (Ново-Огаревский процесс), местные и национальные элиты увидели в намечаемой реформе контуры государства, лишаящего их власти¹. С этого момента идея суверенитета, ставшая предметом и методом борьбы за власть, неизбежно направлялась на одну цель — разрушение реформирующего и реформирующегося Центра. Сохранить власть местные и национальные элиты могли лишь разрушив единое государство². И эта политика увенчалась успехом не только из-за путча, показавшего слабость структуры распадающегося посттоталитарного общества и консервативных сил, но и из-за того, что рождающиеся структуры государства нового типа были полностью парализованы сопротивлением как консервативного крыла, так и новых, утверждающихся у власти элит.

Причем, ставя задачу разрушения Центра как формы своего утверждения у власти, местные элиты практически не просчитывали последствий своих действий — ни социально-экономических, ни политических. Кроме того, уже в ходе разрушения Союза были предприняты попытки придать этому процессу конструктивный характер (Союз славянских республик, провозглашенный в Беловежской Пуще, и образование СНГ на саммите в Алма-Ате в январе 1992 г.). Кстати, именно поэтому роспуск Союза, выглядевший абсолютно неконституционным, был относительно спокойно воспринят населением как форма перестройки внутрисоюзных отношений.

Этот относительно простой способ утверждения у власти местных и национальных элит имел невиданные в истории последствия. Во-первых, произошел разрыв единого исторического пространства, структурный кризис, бывший относительно управляемым, вышел из-под контроля — возникла уникальная ситуация власти кризиса как общественного явления, диктующего обществу логику поведения и действий. Если учесть, что под единым историческим пространством мы понимаем весь комплекс многовековых связей единого государства, то, по нашему мнению, мы столкнулись с нерешаемым в рамках отдельных частей бывшего государства комплексом явлений и тенденций. Прежде всего к ним можно отнести то, что идея суверенизации стала обычным явлением, широко распространенным орудием в политической борьбе. Процесс дезинтеграции стал частью структурного кризиса и охватил

¹ Дело в историческом характере власти в России Демократизация была направлена на ее естественное превращение в функцию общества, что противоречило сущностным характеристикам власти — неделимости, несменяемости и т.д.

² Конечно, были и другие причины — борьба в самом Центре между реформаторами и "охранителями", завершившаяся так называемым путчем, история которого еще ждет своего анализа

почти все образования на территории бывшего СССР. Став неуправляемым, он превратился в серьезное препятствие как реформам, так и утверждению подлинного суверенитета. Конечно, он принял различные формы: от регионально-клановых до национально-этнических конфликтов. Причем, о неуправляемости процесса дезинтеграции свидетельствует его быстрое перерастание в крайние формы вооруженных конфликтов¹.

За сотни лет существования единого государства появилась новая социально-этническая общность — советский народ. Под этим я понимаю значительную часть населения, национальная идентичность которой неоднозначна². К этому следует добавить, что в условиях единого исторического пространства имело место свободное расселение всех без исключения народов и этнических групп, прежде всего табельной нации Российской империи и Советского государства. Разрыв, во-первых, породил проблему диаспоры, во-вторых, привел к ситуациям, когда инациональный элемент (в том числе и смешанный) преобладает, равен или составляет значительную часть так называемых национальных республик. Складывается парадоксальная ситуация, когда для подтверждения своего национального характера правящие элиты проводят откровенно расистскую, шовинистическую политику. Родившись на волне национального самоопределения, они тут же отказывают инациональным группам в элементарных правах (не говоря уже о том, что в части образований власть-национальных элит — это власть меньшинства), проводя явно дискриминационную политику, вплоть до принудительного выселения.

Следует обратить внимание на еще одно последствие распада единого исторического пространства — разрыв экономических связей, имеющий политический характер. Единый экономический комплекс, разорванный по произвольным границам, породил региональные экономики, не имеющие перспектив самостоятельного развития — за исключением единичных случаев возможного существования в качестве сырьевых. Да и то вряд ли самостоятельных, ибо проблема места в международном разделении труда и на мировых рынках является предметом серьезной конкуренции среди несравненно более развитых субъектов мировой политики.

В этой ситуации процесс складывания нормальной государственности практически не происходит. Прежде всего это касается важнейшей составляющей понятия современной государственнос-

¹ Использование права народов на самоопределение в качестве орудия борьбы за власть довело проблему до логического тупика, препятствующего образованию, например, Российской Федерации

² Уровень и эффективность советского "плавильного котла" оказались выше эталонного, американского

ти — системы управления. Практически для всех стран общим является перманентный политический кризис в различных формах. В самой опасной форме — конфликта ветвей власти — он ведет к подмене зарождающихся демократических систем режимами — автократическими, охлократическими, клановыми. Причем существовать — мы считаем априорной их конструктивную импотенцию — они могут только в экстремальных условиях: перманентный кризис является средой их существования и выживания. Можно сказать больше: часть этих государственных образований существует, пока существует конфликт — внешний или внутренний — на постсоветском пространстве эти понятия являются синонимами¹. Зачастую именно режим, а не формирующиеся государственные структуры и институты, сдерживают эти образования от распада. Одним из условий выживания являются и своеобразные внешние кризисы — как в отношениях между ними, так и между ними и Россией.

Причем во всем этом разбегании, открытой враждебности и внутреннем кризисе парадоксально обнажается взаимосвязь политических элит. Их сосуществование можно охарактеризовать как сосуществование групп, связанных дружески-враждебной зависимостью. Эта парадоксальность амбивалентна: она оставляет место для восстановления в новой, естественно, форме, конфигурации и масштабах единого исторического пространства и новой единой государственности и, одновременно, делает невозможным на современном этапе начало реинтеграционных процессов ("развитие" СНГ тому доказательство).

Еще одним доказательством единства политического пространства является уже упомянутая тенденция к однородности политических режимов — авторитаризму в различных формах: от архаических до современных.

Интеграция, понимаемая как процесс кооперации и сотрудничества группы стран, весьма многогранна и включает исторические формы военных и политических союзов, выработку и реализацию общих позиций в экономической и торговой сферах, наконец, объединение многих сфер общественной жизни в единый организм, начинающий функционировать по новым законам. На определенных стадиях интеграционного процесса возникает необходимость согласования социальной политики, финансово-кредитной сферы, правовой унификации и т.д. Эта необходимость становится условием углубления интеграционных процессов — вплоть до появления наднациональных структур управления, согласования внешней и оборонной политики.

¹ Кризис в большинстве постсоветских образований и есть, на наш взгляд, противоречие между объективными центростремительными тенденциями разорванного пространства и субъективными центробежными тенденциями политических элит.

Во всем многообразии современных процессов интеграции можно выявить некоторые базовые условия, заключающиеся прежде всего в том, что кооперацию начинают субъекты международного права, обладающие всеми признаками суверенного государства со сложившимися (естественно, это не означает равными по уровню, масштабам и содержанию) экономическими комплексами. Скорее, именно эти различия толкают группы стран к созданию наднациональных торговых, экономических и финансовых систем из взаимодополняющих национальных частей. Современный опыт позволяет говорить и об интеграционных процессах между странами с несопоставимыми уровнями развития (например, НАФТА).

В каждом интеграционном пространстве неизбежно выделяется страна или группа стран, играющие роль локомотивов процесса кооперации (иногда эту роль могут играть отдельные отрасли экономики). Для начала интеграционных процессов необходимы и соответствующие внешнеполитические условия: благоприятные или неблагоприятные (угрожающие). Так, процесс западноевропейской интеграции был порожден прежде всего противостоянием двух общественно-политических систем, ставящих под сомнение самостоятельное существование Западной Европы. Но эта угроза создала и благоприятные внешние условия: частично освобожденная от бремени военных расходов "зонтиком" США, Западная Европа могла обратить большее внимание на экономическую кооперацию.

На современном этапе интеграции и регионализации в мире все большее значение начинают приобретать несколько иные, чем раньше причины, цели и задачи кооперации: от чисто военно-политических и экономических приоритеты все больше смещаются к культурно-цивилизационным ценностям объединения усилий групп стран — начинается процесс формирования единых пространств.

В недавнем прошлом мы были свидетелями распада колониальных империй, и иногда казалось, что имперские связи заменяются новыми интеграционными формами ("зона франка", Британское содружество). Вполне понятно, что внутри империй существовали свои экономические, военные и политические связи, основанные на безусловной доминанте колониальной державы во всех отношениях. Однако опыт исторического развития показал, что по мере становления национальных государств, их социально-экономического и политического развития характер связей с бывшим центром начинает изменяться вплоть до выхода из системы влияния, экономических и торгово-финансовых отношений, проведения этими странами самостоятельной политики и вхождения в другие интеграционные центры и пространства. Характер связей с метрополией для ряда стран становится традиционно-историческим, культурным.

Все эти общие положения относительно интеграционных и кооперационных процессов в современном мире необходимы нам для анализа отношений между субъектами постсоветского пространства. Прежде всего необходимо поставить вопрос о правомерности применения термина и понятия "интеграция" к постсоветскому пространству. Причем применительно к нему речь идет о политических аспектах этого процесса, именно политических, потому что все остальные формы единого пространства продолжают существовать даже в разорванном виде.

Этот аспект следует выделить особо: чисто политическое разрушение единого экономического пространства. Экономика бывшего СССР представляла собой единый народнохозяйственный комплекс. При всех его недостатках, определяемых господством политической тоталитарной системы, он был интегрированным комплексом высшего порядка. И этот комплекс был разорван на множество частей, характеризующихся отсутствием самодостаточности для преодоления кризиса и создания самостоятельно функционирующих хозяйств. Естественно, что в понятие самодостаточного комплекса мы вкладываем понимание не автаркической экономики, ныне практически невозможной, но экономической системы, способной к самостоятельному развитию в международном разделении труда. Естественно, что в этих обломках есть единичные части, способные в теории как к саморазвитию, так и к вхождению в мировое хозяйство. Однако для саморазвития необходимо преодолеть кризисные явления и перестроить экономику на новых основах; трудности возрастают на много порядков. Отдельные части уже сейчас могут представлять собой готовый сырьевой придаток других, более развитых хозяйств-экономик. Однако нужно учитывать печальный опыт такой интеграции в мировой практике, ведущий к превращению не в "новые эмираты", а в маргинальные субъекты мирового хозяйства (Африка, ряд стран Латинской Америки).

Из всего вышесказанного следует, что поддерживать эти национально-государственные образования можно лишь политико-идеологическими методами, основанными на национализме. Конечно, время их существования по историческим меркам различно, но будущее можно оценить весьма пессимистично: либо полностью возобладают процессы дезинтеграции разных сторон общественной жизни, либо процесс "разбегания" примет необратимый характер. Дело в том, что структурный кризис постсоветского пространства развивается в изменяющейся системе международных отношений, характеризующейся нарушением устойчивости, возникновением новых интеграционных центров, принципиально отличных от защитно-консервативной интеграции западноевропейского типа. СССР мог либо противостоять этим интеграционным потокам, либо

быть их равноправным, а то и ведущим субъектом. Другое дело — постсоветские государственные образования, выступающие из-за своего несложившегося характера *объектами* мировых процессов, причем процессов, как это становится ясно, обтекающих естественный центр постсоветского пространства Россию, более того, имеющих тенденцию к ее изоляции в мировом пространстве.

Вернемся к основному вопросу: применимо ли понятие интеграции к объективному процессу возвращения недавно единого комплекса в равновесное состояние? Ответ будет отрицательным, ибо понятие "интеграция", как отмечалось выше, имеет совсем другое значение, Речь — в теории — может идти о восстановлении единства, естественно, в новых формах, ибо изменилась сама парадигма развития. Однако именно это невозможно по субъективным причинам, связанным с природой политических режимов в новых образованиях. Интеграция в подлинном смысле пока невозможна, ибо она не может заменить разорванный, но пока существующий комплекс. Интеграция может теоретически встать на повестку дня после оформления национально-государственных образований в настоящие государства с самодостаточными экономиками. Но такой ход событий представляется чисто гипотетическим, потому что центробежные тенденции развиваются, подчеркнем еще раз, не в безвоздушном пространстве.

Конечно, бесперспективность существования и, прежде всего, преодоления структурного кризиса постсоветских образований признается практически всеми. Отсюда проистекает огромное количество проектов "интеграции" во всех сферах общественной жизни: от прокламирования СНГ с постоянно растущим числом неисполняемых соглашений до глобальных проектов Н.Назарбаева и поиска магических формул решения проблем (идея ФПП в интерпретации С.Глазьева)¹. И с завидным постоянством проваливаются проекты, предложения, уже заключенные соглашения и союзы (например, об объединении денежных систем РФ и Белоруссии). В равной степени это относится к много- и двусторонним (периодически объявляемым приоритетными) соглашениям по примитивным, с точки зрения мирового опыта, проблемам (например, о двойном гражданстве, "прозрачности границ" и т.п.). Более того, некоторые проблемы перерастают в стратегические противоречия — так, культурное сотрудничество РФ с Украиной недостижимо из-за спора о судьбе культурных ценностей.

Таким образом, в отношении постсоветского пространства нельзя говорить об интеграционных тенденциях и процессах. Можно говорить (к сожалению, теоретически) о существовании объективной

¹ Что, собственно, отражает главный фактор- непонимание сущности интеграции как таковой, ее закономерностей и роли в жизни современного мира.

центростремительной тенденции, над которой доминирует субъективная центробежная. Последняя может стать объективной, сделав невозможной любую кооперацию. По нашему мнению, можно выделить несколько факторов, которые являются основными препятствиями к восстановлению прежде всего экономического единого пространства. Мы выделяем именно экономику, потому что в ней сильнее всего проявляется объективная восстановительная тенденция (не потому ли так целенаправленно уничтожаются базовые отрасли?). Кстати, именно она могла бы стать локомотивом реконструкции всех сфер отношений между постсоветскими образованиями, вплоть до создания конфедеративного, федеративного или иного единого государства.

К числу этих факторов можно отнести прежде всего природу политических режимов большинства постсоветских образований, существование которых зависит от дальнейшей деструкции постсоветского пространства. Не менее значимым препятствием, с нашей точки зрения, является отсутствие центра кооперации. Теоретически таким центром до сих пор является Россия, но реально этой роли она выполнить не может по ряду причин. Во-первых, речь идет о характере политического режима, т.е. природе власти. Во-вторых, Россия унаследовала в значительно больших масштабах деструктивные особенности структурного кризиса бывшего СССР: не решен вопрос о характере политической системы; не решен вопрос о государственном устройстве — асимметричный характер строящейся федерации всего лишь временный паллиатив; в преодолении экономического кризиса взят курс на деиндустриализацию, поиск решений вне постсоветского пространства, что ведет к застойности кризисных явлений.

И, наконец, серьезным препятствием реконструкции постсоветского пространства все больше становятся внешние факторы, объективно и субъективно втягивающие бывшие части Советского Союза во внешние интеграционные процессы. Так, Средняя Азия уже стала ареной борьбы сразу нескольких интеграционных центров мусульманского мира. Не менее сложной является ситуация в Закавказье. Окончательно в ближайшей исторической перспективе потеряны кооперационные возможности в Прибалтике. Украина и — вынужденно — Белоруссия ориентируются на восточноевропейский узел, который, скорее всего, с приемом ряда стран в НАТО станет санитарным кордоном, отгораживающим Россию от остального мира (образование СЕФТА, Ассоциации Черноморских стран, Проект Балтийско-Черноморской ассоциации).

Кроме того, преобладание политизированной субъективной тенденции разбегания, деструкция единого исторического пространства ведут к тому, что экономические комплексы постсоветских

образований начинают все больше делать ставку на решение своих проблем во вне — все заметнее не только экономическое иностранное присутствие. Это, конечно, не поставит на ноги национальные экономики, ведь в международных отношениях по-прежнему действует "закон джунглей" — борьба за рынки сбыта, источники сырья и сферы влияния. Однако этот процесс внешней ориентации имеет серьезные политические последствия, так как делает необратимым процесс дезинтеграции постсоветского пространства, ведет к изоляции России и, что гораздо опаснее, затягивает структурный кризис самой Федерации, ставя под сомнение ее существование как единого государства, имеющего в мировой политике вес, соответствующий ее масштабам и потенциалу.